

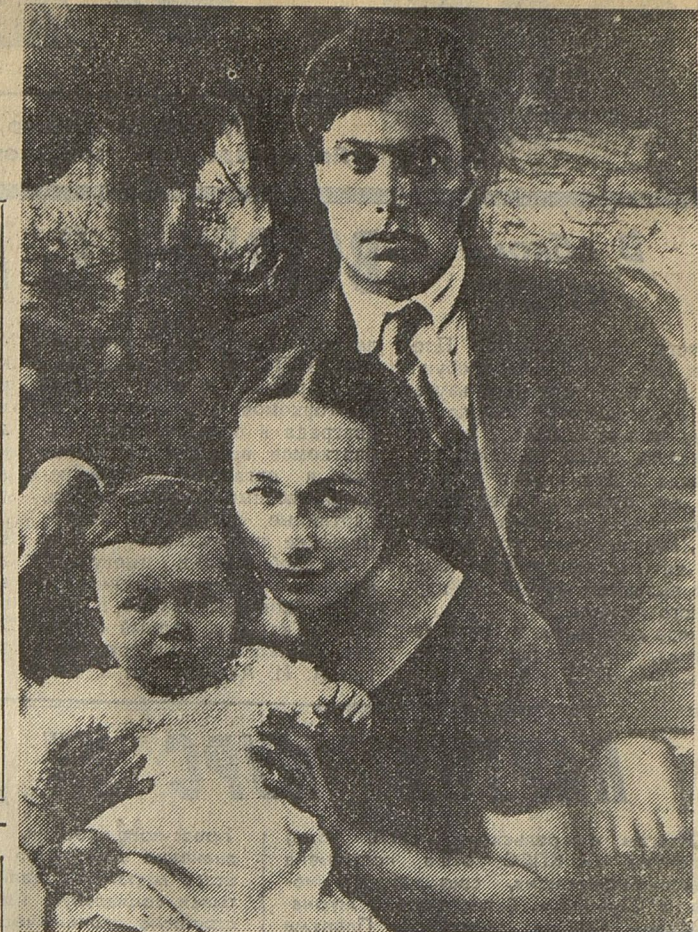
ДОМ КНИГИ

РУССКИЕ Поэты — столетники 90-х годов.
Какая, однако, впечатляющая цепь доступных вершин год от года будет поднимать нас к самым совершенным достижениям отечественной Музы XX века.
Анна Ахматова, Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Владимир Набоков.
Эта юбилейная «обремененность» — обремененность счастливая... И едва достигнув одной поэтической вершины, напившись рифмой — этой живительнейшей влагой любви, борьбы и сострадания, мы вновь, безмолвные, тревожно и суетливо оказываемся у нового прекрасного подножья.
Эстафета — не вдоволь, а вверх, все

выше и выше, к Богам. Ибо, как известно, они говорят устами Поэтов...
И вот в нынешнем феврале мы — и весь читающий мир — склоняемся перед гордой и высокой Музой Бориса Леонидовича Пастернака. И перед ним самим — бесстрашным русским интеллигентом...
Пастернак родился в Москве и остался ей верен до конца дней.
Но и берега Невы в его жизни и поэзии — значимы, не случайны.
Мы не вправе забывать об этом.
27 января в Бронзовом зале Дома архитекторов состоялся вечер Пастернака из цикла «Былое и думы», проводимого вот уже третий год Ленинградским отделением Советского фонда культуры.
Кульминацией вечера стало сообще-

ние о найденных письмах Б. Л. Пастернака к своей кузине М. А. Марковой в Ленинград, а также выступление М. А. Рашковской, старшего научного сотрудника ЦГАЛИ СССР. Она обнаружила в составе архива Бриксов рукопись эссе Б. Пастернака «Петербург», с которым в скором времени смогут познакомиться подписчики «Нового мира».
В этом же журнале полностью будет опубликован рассказ Евгения Борисовича Пастернака, сына поэта, — о двух решениях Нобелевского комитета. С этого рассказа, присланного автором в письменном виде на вечер «Былое и думы», он и начался.
Сегодняшний выпуск «Дома книги» составлен из уникальных материалов, которые мы с благодарностью приняли от Ленинградского отделения СФК.

ТОЛЬКО ОТЗВУКИ

Б. Л. Пастернак с первой женой и сыном Евгением. 1924 год.

Ида НАПЕЛЬБАУМ

Старейшая ленинградская поэтесса Ида Напельбаум — постоянная участница «Былого и дум». Если собрать вместе странички ее воспоминаний о М. Зощенко, М. Лозинском, Сергее и Николае Радловых, А. Ахматовой, О. Мандельштаме и других, — получится бы впечатляющая книжка. В нее, несомненно, могла бы войти и фотография, сделанная ею, дочерью известного русского и советского фотохудожника М. Напельбаума, в 1924 году, и стихотворение «У Пастернака», и несколько строк комментария...

НЕДАВНО, перебирая свой архив, я наткнулась на копию письма Б. Л. Пастернака ко мне (оригинал хранится в Государственной Публичной библиотеке).

Письмо написано в 1929 году. Милое, сердечное, дружеское, оно напомнило мне эпизод, когда я в павильоне моего отца фотографировала Бориса Леонидовича с женой Евгенией и с их маленьким сыном.

Письмо воскресило в моей памяти и московский вечер, проведенный в доме Пастернака. Беседа с ним незабываема. По молодости лет мне казалось, что мир большого поэта сосредоточен лишь на

духовной стороне жизни, и для меня было неожиданностью, когда Борис Леонидович заговорил о бедах страны, о жизни общества.

— Вы понимаете, — говорил он, — ведь мы не знаем, что происходит в государстве. Только обрывки, отзвуки. Я чувствую себя кухаркой, подслушивающей в замочную скважину, о чем говорят господа.

Он сказал это с такой болью и обидой, что у меня сжалось сердце. Прошло более шестидесяти лет. И сейчас, на 93-м году жизни, я, вспоминая о том далеком вечере, написала стихотворение.

У ПАСТЕРНАКА

Я пришла к поэту в гости
Ровно в полдень.
Воскресенье.
Анна АХМАТОВА
Я пришла к поэту в гости,
но не в полдень —
на закате, что пожару
был подобен.
Речь текла струей быстрой
реки,
Поднималась по вершинам,
Растеклась по низинам,
Рвала души, зажигала свечи,
Клокотала в горловине —
Ей конца не видно было
ныне.

За стеною спали двое.
Мать спала, спал ребенок.
В чистых помыслах,
в покое —
и звонок.
Я ушла, как тать, тихонько.
Город спал, спала Волховка.
Храм Спасителя вдогонку
мне послал благословенье,
Щедрым был, на ждал
падения,
Не предвидел разрушенья...
Наступало воскресенье.

сразу ответил тебе. Очень, очень тяжелое для меня время. Всего лучше было бы теперь умереть, но я сам, наверное, не наложу на себя рук.

Воображаю, как тебе тяжело быть случайною слушательницей того, как поносят меня устно в обществе, помню то, что ты читала в газетах. Ты, конечно, догадывалась, как мало во всем этом правды.

Что делать, во все времена это иногда бывало.

Твой Боря.

«16 февр. 1959.
Дорогая Машура, извини, что не ответил тебе на предыдущее письмо. Я помню твой совет в том письме, чтобы брать от жизни все, что она позволяет. Мне он понравился.

Моя жизнь фантастическая до неопределимости. Опять некоторые обстоятельства скопились надо мною грозные тучи. Я не буду пытаться тебе это рассказывать. Если все уляжется и я успею, не может быть, чтобы не наладилась и материальная сторона. В таком случае, если я буду жив и выйдя сухим из воды, так скажем, к лету, я обязательно пошлю тебе денег.

Я этого не могу сделать сейчас, потому что их совершенно нет, все не ясно и обстоятельство и окружающие не дают мне это сделать. Ну зачем ты послала мне эту панику ерунду. Если папа, так значит уж все хорошо и свято! Я не люблю этого поклонения вещам также и в отношении себя.

У меня в доме нет ничего подобного, я не храню ни чернильниц, ни перьев, ни чьих бы то ни было старых писем. Никакого «архива», никакого бумажного царства. Я шагу только самое редкое, победоносное, красивое, замечательное, бесценное. А этого, по счастью, никогда не бывает много и оно не обременяет обстановку.

Итак, потерпи немного, пока мы ясно не станем на каком-то свете. Клянись Милочка. Целую тебя. Представь себе, среди этих и все новых, столкновений страстей, промов, государственных преступлений и совершенно баснословных неосужденностей — тьфу, тьфу, чтобы не сплести, я совсем не могу пожелать себе на здоровье.

Твой Боря.
Мне очень больно, что на свозняке ты подвела все время испытанию свое здоровье, и, наверное, это очень томительно и трудно. Но унизительного тут нет решительно ничего, и я с удовольствием (неделю) проработал бы лифтером».

На снимках: М. А. Маркова; автор письма.

«ВСЮ ЖИЗНЬ Я БЫТЬ ХОТЕЛ, КАК ВСЕ...»

Вечерний Ленинград — Ленинград — 1990. — 10 февр. Из Машуры

Борис ПАСТЕРНАК

ПЕТЕРБУРГ

Как в пулю сажают вторую пулю
Или бьют на пари по свечке,
Тант этот раскат берегов и улиц
Петром разражен без осечки.

О, как он велик был!
Как сеткой конулаеши
Покрылись железные щеки,
Когда на Петровы глаза
Слез их, заливы в осеки.

И к горлу балтийские
Тески, податливы, как комья
Забвенье владели: когда им
С империей царство, край — с краем.

Нет времени у вдохновенных,
Земля ли, или море,
Мне здесь снова в думу, —
Сведу с ним сейчас же и тут же.

Он тучами был, как делами,
В ненастьях натянута парус
Чертежной цветной ста
Врезалась царская ярость.

Волны толкутся.
Облачно. Небо над бумом,
Мутью, мешает с толчением
Узких свистков паровые клубы.

Пасмурный день растерял
Снасти зрелищ,
Детем и домами пахнет
И огурцами — бархосом моря.

С мартовской тучи летят
Наоткос, мкрыми паруса
Тают в каналах
Тлеют по черным следам колеса.

Тучи, как волосы,
Над дымящей, бледной Невой.
Кто ты? О, кто ты?
Город — вымысел твой.

Улицы рвутся, как мысли,
Черной рекой манифестов.
Нет, и в могиле глухой
Ты не нашел себе места.

Волн наводнение
Речь их, как кисти
Слепых повитух,
Это ведь бредили ты, невменяемый,
Быстро бормочешь сумасшедший.

Сохранила, что это,
И не на терзание
Распущены по ветру
Полотнища зданий?

Как план, как ландшафт
На плотном папирусе.
Он город над мартом
Раскинул и выбросил.

1915

8 июл. 1953.
Машура! родная!
Я дабы обвинить тебя, как
кто-то говорил тебе, но ты
сказала, что не существует
мне адрес, а ты к не могла
отправить адрес на Коперник
Нарочно блуждала в заблуждении
Я так думаю, что ты
и не могла бы написать
и не могла бы написать
и не могла бы написать

ПИСЬМА ТРУДНОГО ВРЕМЕНИ

О существовании этой переписки мне стало известно в московском доме Б. Пастернака на Пушкинской улице. Елена Владимировна Пастернак рассказала мне о кузине Бориса Леонидовича — Марии Александровне Марковой. Ленинградские, блокадные, а до войны — певчие, драматической актрисы... Елена Владимировна сказала также, что семье Пастернака очень дороги эти письма поэта в Ленинград, которые он писал в труднейшие и счастливейшие для себя годы — годы окончания романа «Доктор Живаго» и насильственного «отлучения». Все 16 писем Б. Л. Пастернака к М. А. Марковой сохранились у внука ее — ленинградца Андрея Васильевича Куркина. Никакими словами не выразить нашей благодарности А. В. Курсину, предоставившему нам пастернаковские автографы. Снаму также, без ложного пафоса, что я испытываю «нездешнее» восхищение, увидев этот летящий почерк великого поэта, почерк, который обессмертила Марина Цветаева... С разрешения А. В. Куркина мы предлагаем фрагмент этой переписки. К публикации сегодня не требуется почти никакого комментария. Даты говорят сами за себя. Скажем только, что Мария Александровна Маркова (1893—1960), племянница матери Б. Л. Пастернака — Клавдия Исидоровна Марголюс-Моргаловская (урожденной Кауфман), Долгие годы они жили в Одессе, потом М. А. Марголюс переехала в Петербург и вышла замуж за почетного гражданина города Ивана Сергеевича Маркова.

Дальнейшая судьба писем определена владельцем. Все они при посредничестве до СФК будут переданы в архив Бориса Пастернака. А сами тексты целиком будут опубликованы в журнале «Наше наследие».

Подготовка текста Е. БЕЛОДУРОВСКОЙ, подготовка текста Н. АПОСТОЛОВОЙ

«3 марта 1958.
Дорогая Машура, твои обвинения и упреки заставили меня больным, со страшным обострением радикулита правой ноги, свалившим меня снова в постель, после того как я всю прошлую весну (послед 4 месяца) пролежал в больнице, и вот я снова в ней, хотя и в другой. В Ленинграде не был 35 года, я не знаю — откуда принес тебе эти ложные сведения. И зачем ты пишешь о деньгах? Как я только выздоровлю и вернусь домой, я напишу тебе и, может быть, что-нибудь сделаю, хотя теперь я в большей степени неизвестности, чем когда-либо. Я выкинул шутку несколько неслыханную, вызвавшую страшный гнев богов, и я не знаю, что со мной будет. Целую тебя. Твой Б.»

«11 ноября 1958.
Дорогая Машура, извини, что я не

ДВА РЕШЕНИЯ НОБЕЛЕВСКОГО КОМИТЕТА

белевскому комитету и не может выглядеть в его глазах неблагозвучным обманщиком. Он также отказался наотрез пойти с Федими на его дачу, где сидел и ждал его для объяснений заведующий Отделом культуры ЦК Д. А. Поликарпов.

В эти дни мы ежедневно ездили в Переделкино. Отец, не меняя обычного ритма, продолжал работать, он переводил тогда «Марию Стюарт» Соловцова, был светел, не читал газет, говорил, что за честь быть Нобелевским лауреатом готов принять любые лишения. В таком именно тоне он написал письмо заседанию президиума Союза писателей, на которое не пошел и где по докладу Г. Маркова было исключено из членов Союза. Мы неоднократно пытались найти это письмо в архиве Союза писателей, но безуспешно, вероятно, оно уничтожено. Отец вечно рассуждал о нем, захватив нас перед возвращением в Переделкино. Оно состояло из 22 пунктов, среди которых запомнились:

«Я считаю, что можно написать «Доктора Живаго», оставаясь советским человеком, тем более, что он был кончен в период, когда опубликовали роман Дудинцева «Не хлебом единым», что создавало впечатление отпели. Я передал роман итальянскому коммунистическому издательству и жал выходя из цензурированного издания в Москве. Я согласен был выпустить все неприемлемые места. Возможности советского писателя мне представлялись шире, чем они есть. Отдав роман в том виде, как он есть, я рассчитывал, что его коснется дружественная рука диктатора.

Посылая благодарственную телеграмму в Нобелевский комитет, я не считал, что премия присуждена мне за роман, но за всю «окающуюся» сделанного, что это обозначено в ее формулировке. Я мог так считать, потому что моя кандидатура выдвигалась на премию еще в те времена, когда романа не существовало и никто о нем не знал.

Никто не заставил меня отказаться от цели, оказавшей мне, современному писателю, живущему в России, и следовательно, советскому. Но ведь Нобелевская премия — это готов перевести в Комитет за щиты мира.

Я знаю, что под давлением общественности будет поставлен вопрос о моем исключении из Союза писателей. Я не ожидаю от вас справедливости. Вы можете меня расстрелять, выславить, сделать все, что

вам угодно. Я вас заранее прошу. Но не торопитесь. Это не прибавит вам ни счастья, ни славы. И помните, все равно через несколько лет вам придется меня реабилитировать. В вашей практике это не в первый раз».

Гордая и независимая позиция помогла Пастернаку в течение первой недели выдерживать все оскорбления, угрозы и анафематствования печати. Он беспомощно, нет ли каких-нибудь неприятностей у меня на работе или у Лени в Университете. Мы всеяски успокаивали его. От Эренбурга я узнавал и рассказывал отцу о том, какая волна поддержки в его защиту скопилось в эти дни в западной прессе.

Но все это перестало его интересовать 29 октября, когда, приехав в Москву и поговорив по телефону с О. Ивинской, он пошел на телеграф и отправил

телеграмму в Стокгольм: «В силу того значения, которое получила присужденная мне награда в обществе, к которому я принадлежу, я должен от нее отказаться, не примите за оскорбление мой добровольный отказ». Другая телеграмма была послана в ЦК: «Верните Ивинской работу, я отказался от премии».

Приехав вечером в Переделкино, я не узнал отца. Серое, без кровинки лицо, измученные, несчастные глаза, и на все рассказы — одно: «Теперь это все неважно, я отказался от премии».

Но эта жертва уже никому не была нужна. Она ничем не облегчила его положение. Этого не заметили ни на общесоюзном собрании писателей, состоявшемся через два дня, об этом никто не упоминал на последующих за ним страницах разлитанного «гнева народа». Московские писатели обращались к правительству с просьбой лишить Пастернака гражданства и выслать за границу. Отец очень болезненно переживал отказ Зинаиды Николаевны, сказавшей, что она не может оставить Родину, и Лени, решившего остаться с матерью, и живо обрадовался моему согласию сопровождать его, куда бы его ни выслали. Высылка немедленно последовала бы, если бы не телефонный разговор с Хрущевым Джавахарлала Неру, согласившего возглавить комитет защиты Пастернака. Чтобы сплести все на тормозах, Пастернаку надо было подписать согласованный с начальством текст обращения в «Правду» и Хрущеву. Дело не в том, хороши или плохи текст этих писем, и чего в них больше — покаяния или самоуверенности, важно то, что написаны они не Пастернаком, и подписаны вынужденно. И это унижение, насилье над его волей было особенно мучительно в сознании того, что оно никому не было нужно.

Прошли годы. Мне теперь без малого столько же, сколько было отцу в 1958 году. В Музее изобразительных искусств, в близком соседстве с которым отец прожил с 1914 по 1938 год, 1 декабря 1989 года открылась выставка «Мир Пастернака». Посол Швеции господин Бернер привез на выставку диплом лауреата Нобелевской премии. Медаль решено было торжественно вручить на приеме, устраиваемом Шведской академией и Нобелевским комитетом для лауреатов 1989 года. По мнению госпожи Бернера, мне спешно приехать в Стокгольм и принять эту награду...

Гул затих. Я вышел на подмостки. Прислонясь к дверному косяку, я ловлю в далеком отголоске. Что случится на моем веку.

...9 декабря на торжественном приеме в Шведской академии в присутствии нобелевских лауреатов, послов Швеции и СССР, а также многочисленных гостей неприменный секретарь академии профессор Сторе Аллен передал мне Нобелевскую медаль Бориса Пастернака. Он прочел обе телеграммы, посланные отцом 23 и 29 октября 1958 года, и сказал, что Шведская академия признала отказ Пастернака от премии вынужденным и по прошествии 31 года вручает его медаль сыну, сожалея о том, что лауреата уже нет в живых. Он сказал, что это исторический момент.

Ответное слово было предложено мне. Я выразил благодарность Шведской академии и Нобелевскому комитету за их решение и сказал, что принимаю почетную часть награды с чувством трагического счастья. Для Бориса Пастернака Нобелевская премия, которая должна была освободить его от положения одинокого и гонимого человека, стала причиной новых страданий, окрасивших горько последние полтора года его жизни. То, что он был вынужден отказаться от премии и подписать предложенные ему обращения в правительство, тяжесть которого он ощущал до конца своих дней. Он был бесщепетником и безразличен к деньгам, главным для него была та часть, которой теперь он удостоен посмертно...

Торжественные церемонии 10 декабря, посвященные вручению премии 1989 года, бесспорно связаны в моем восприятии с Шекспиром и его Гамлетом. Мне казалось, я понял, для чего была нужна Шекспиру скандинавская обстановка этой драмы. Чертоватые коротких торжественных слов и оркестра, пущенные салюты и гимны, старинные костюмы, фразы и платья декоративные. Официальная часть проходила в филармонии, банкеты на тысячу участников и бал — в ратуше. Тоска по средневековью чувствовалась в самой архитектуре ратуши, в окружающих зал галереях, но живое влияние народного духа и многовековые традиции звучали в студенческих песнях, трубах и шествиях ряженых, которые по галереям спускались в зал и обоюдно с кушаньями и сопровождая выход короля и королев, нобелевских лауреатов и почетных гостей.

Но среди этого лиричества глаза и слуха шемейшей и за душу хватяющей нотой было появление на площадке широкой лестницы Мстислава Ростроповича. Свое выступление он предварил словами: «Ваши величества, дорогие нобелевские лауреаты, дамы и господа! На этом величественном празднике мне хочется напомнить вам о великом русском поэте Борисе Пастернаке, который при жизни был лишен права получить присужденную ему награду и воспользоваться счастьем и нестью быть лауреатом Нобелевской премии. Позвольте мне как его соотечественнику и посланнику русской музыки сыграть вам Сарабанду из Сюиты Баха ре минор для виолончели соло».

Трагическим голосом Гамлетова монолога на Клавдином пире пела виолончель, в бездонной музыке Баха звучала тоскующая боль феминской ноты:

Гул затих. Я вышел на подмостки. Прислонясь к дверному косяку, я ловлю в далеком отголоске. Что случится на моем веку.

После банкета Ростропович и Галина Вишневская провели нас в гостиницу, где король и королева принимали почетных гостей. Мы были представлены им и обменялись несколькими дружескими словами. На следующее утро мы вылетели в Москву.

Евгений ПАСТЕРНАК